

УДК 101.1:316

«ЖИЗНЬ СОЛО» КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОДУКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В.Ю. Лебедев*, А.В. Федоров**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

**ГБОУ ВПО «Тверской государственной медицинский университет»,
г. Тверь

В современных высокоразвитых странах формируется новая социальная реальность – так называемая «жизнь соло» – стиль, при котором одиночество воспринимается как адекватный для ряда индивидов способ существования. На основе достаточно большого числа примеров авторами анализируются признаки кризиса традиционной семьи и намечаемые в обществе пути выхода из этого кризиса, среди которых авторами особо выделяются не только жизнь соло, но и адаптация традиционной семьи к современным социальным реалиям.

***Ключевые слова:** одиночество, жизнь соло, диффамация, социология семьи, современный кризис семьи.*

В современном обществе давно наметились сдвиги в сторону новых форм социального бытия. Времена, когда единственно возможным стилем жизни для мужчины и женщины было создание семьи, сегодня уже давно канули в историю. Как и любая социокультурная трансформация, новый уклад жизни вначале был уделом минорных социальных групп. Так было с «гражданскими» браками, которые сегодня распространены настолько, что частота их встречаемости сопоставима с наиболее распространенным укладом – семейным. Та же ситуация касалась и браков однополых, вначале воспринимаемых как нонсенс, но сегодня получающих все больше социальных прав на существование. Но если вопрос об однополых браках сразу же спровоцировал острый конфликт¹, то рассматриваемый нами стиль «жизни соло» входит в общество медленно, исподволь, поскольку не является столь одиозным². Более того, «жизнь соло» имеет достаточно давнюю историю. Сегодняшние условия жизни в

¹ Отсюда – резкий, почти революционный скачок численности однополых браков в европейских странах, легализовавших данный вид брачно-семейных отношений. Учитывая то, что данное явление практически никого не оставило равнодушным – как на одной, так и на другой стороне баррикад – оно во многом носит демонстративный оттенок.

² Показателен в этом отношении демонстративный суицид, совершенный писателем Домиником Веннером 21 мая 2013 г. Писатель, являясь противником однополых браков и пропаганды извращений, застрелился возле алтаря Собора Парижской Богоматери, предварительно разместив на своем сайте текст, призывавший предпринять «новые действия, показательные и символические», необходимые для пробуждения «усыпленного сознания». Данный поступок вызвал волну манифестаций, направленных против легализации однополых браков.

странах с достаточно высоким уровнем жизни (не только в государствах Европы и Америки, на материале которых проводится основная масса исследований по данному вопросу, но и в России) создают достаточно мощные предпосылки к комфортному существованию одиночек.

Одиночество, вначале имеющее чисто индивидуальный формат, психологический и экзистенциальный, сегодня формирует новый социальный уклад. В социологических работах, основанных на материалах достаточно масштабных полевых исследований, указываются основные причины такого выбора [20]: улучшение жилищных условий, позволяющих одиночкам с минимальными затратами воплощать свои предпочтения в жизнь; повышение качества жизни и активное развитие социальной сферы, сводящее на нет пугающие перспективы одинокой старости; дефицит приватности (о чем мы подробно писали в других наших работах), порождающий дискомфорт и желание уединения; широкое распространение новых форм трудового уклада (ненормированный рабочий день, график, дополнительная работа), порождающее создание конфликта семейных и карьерных интересов в традиционном семейном укладе; ориентация на карьерный рост, часто расходящаяся с интересами традиционной семьи; изменения в стратегиях репродуктивного поведения в социуме развитых стран.

Эти и многие другие причины приводят к тому, что достаточно большое количество людей выбирают тот или иной подтип социального уклада, называемого «жизнью соло» [9]. Суммируя имеющиеся данные, авторы предлагают следующую классификацию культуры «легализованного одиночества»: 1. «чистое» одиночество – «жизнь соло» как основной способ существования индивида на протяжении большей части его жизни, избираемый индивидом добровольно; 2. ситуативное одиночество, являющее собой переходный период к традиционному семейному укладу или к «чистой» «жизни соло»; 3. квазидиночество – также являющееся ситуативным. Примером может служить культура студенческих или иных общежитий, а также уже давно сложившаяся культура flat mate – коллективный съем одной квартиры группой студентов. Как правило, такое квазидиночество также временно (на период поиска лучших жилищных вариантов или учебы). Сходное с данным типом явление – культура меблированных комнат, сдаваемых в одном большом доме многим семьям или одиночкам; 4. вынужденное одиночество, часто отмечаемое в зрелом и пожилом возрасте: овдовевший(ая) супруг или супруга, разъехавшиеся по разным городам уже взрослые дети – все это приводит к данному явлению.

В данной статье мы лишь косвенно коснемся проблем ситуативного и вынужденного одиночества, поскольку данные явления – «жизнь соло» поневоле. В основном нас будет интересовать именно «чистая» «жизнь соло» как осознанный выбор индивида.

В оценках «жизни соло» окружающими членами социума наблюдается вполне закономерная динамика: вначале данное явление воспринималось как противоестественное и потому резко негативное; затем – как допустимое для многих; далее – адиафоричное. Сегодня «оценка жизни» соло молодым поколением уже не столь категорична: настало время адекватных заключений, лишенных романтического трагизма и эмоциональных оценок. В перспективе следует ожидать повышения уровня положительных оценок данного социального явления, способного привести к изменению жилищной политики государства, которая будет вынуждена считаться со все возрастающей армией одиночек. Такой количественный рост людей, предпочитающих «жизнь соло», спровоцирует и закономерный рост числа индивидов, практикующих новые формы семейной жизни (уже упоминаемые нами «гражданские браки»), поскольку окончательная легализация культуры одиночества приведет к прекращению стимулов к официальной регистрации семейно-брачных отношений.

Вместе с тем в современной России восприятие «жизни соло» как явления негативного встречается не так уж и редко. На наш взгляд, данное явление напрямую проистекает из социальной мифологии, в пространстве которой пребывает среднестатистический член социума, особенно из числа зрелых и пожилых возрастных групп. Но эта причина – не единственная. Исследование социальной мифологии как пространства, стимулирующего манипулятивное поведение социума, диффамацию одиночек, негативное восприятие «жизни соло» – это и есть непосредственная задача настоящей работы.

Так как в России распространено социологическая неграмотность населения, многие социальные процессы понимаются членами социума с помощью мифологических, недискурсивных способов интерпретации социальной реальности. Под социальным мифом в дальнейшем мы будем понимать устойчивые паттерны общественного сознания, противопоставленные рациональному и дискурсивному осмыслению действительности. С учётом ряда особенностей социального мифа в современном обществе – адаптивность, способность к мимикрии, возможности интеграции с научными формами познания мира, миф, продолжая оставаться таковым, в современном мифологическом сознании утрачивает ряд архаичных черт и может пребывать в наполовину «свернутом», латентном состоянии [15, с. 20–34]. Такой миф нередко формируется не стихийно, а строится осознанно (часто в политизированном дискурсе) на базе коллективного бессознательного. Попытки мифологизированного сознания вписаться в научную картину мира приводят к фрагментированности, разорванности и противоречивости мифов. Данные особенности видны при ближайшем рациональном рассмотрении и активно (зачастую агрессивно) защищаются носителями мифологического сознания от рациональной ревизии.

Архаичный миф, рожденный из страха перед необъяснимым и огромным внешним миром, в ходе мифогенеза сохранил одну из основных, ядерных черт – страх. Носители социальных мифов, активно или пассивно распространяя свои взгляды среди других членов социума, начинают с «подготовки плацдарма» – создания ситуации страха, неизвестности и «выключения» рационального восприятия мира. Достаточно показательным может служить пример (из базы собственных наблюдений авторов) создания и распространения одной из медицинских мифологем – онкогенеза через «порчу». Респондентка К. 53 г.: «Известно, что врачи не знают, откуда берется онкология. Если они, при помощи своей науки, до сих пор не могут найти причину рака и лекарство от нее – значит, данное знание – тайное, доступное лишь “избранным”. Сейчас наблюдается рост числа онкозаболеваний, который тесно связан с количеством злых и завистливых людей. Раньше, когда люди были добрее и носили в себе Тайное Знание Природы (Sic! – так у респондентки), они не болели раком. Значит, причина рака – злость людей на окружающих. Отсюда вывод: мысль материальна, и при помощи мыслей можно наводить “порчу”». Налицо культивирование страха перед неизлечимыми нозологиями, псевдологические выводы, подмена и упрощение понятий.

Распространение любого социального мифа следует признать одной из манипулятивных техник, базирующихся на нелогическом поведении (В. Парето). В противовес такому поведению Парето объясняет рациональное (логическое) поведение как логически непротиворечивую цепь умозаключений, основанных на адекватном восприятии мира и ведущем к продумыванию цели и последовательности действий того или иного поступка. Вместе с тем, по В. Парето, абсолютно разумного, рационального поведения среди членов социума не отмечается, во многом – за счет неполноты знания об окружающем мире, во многом – из-за косности социального разума с обилием предрассудков [17, с. 30 и далее].

В этом отношении нерациональное поведение, выступающее как базис для социальных манипуляций, активно диффамирует тех, кто так или иначе пытается разрушить архаику социального мифа при помощи рационального мышления или деятельности. Диффамация часто фундирована мифологическим. Применительно к теме нашей статьи отметим ряд типичных диффамационных выпадов, распространяемых на одиноких:

1. Апелляции к культурным традициям: «Я жила с мужем, вырастила троих детей, у моей матери и отца было четверо детей, у прабабки – десять. Неужели ты умнее всех наших поколений?» (респондентка К., 60 лет). Провокационный вопрос: может, лучше сразу узаконить «Домострой» – как правило, вызывает шквал негативных эмоций.

2. Апелляции к тому, что «прервется связь поколений», обычно встречаемые у тех же ревнителей «традиционных семейных ценностей», также несостоятельны, поскольку никто из опрошенных нами не смог дать внятное определение той самой «связи поколений».

3. Апелляции к эгоизму: «Нельзя жить только для себя», помимо того, что откровенно навязывают диффамируемому индивиду дурно понимаемый альтруизм, лишают индивида свободы выбора. Встречный вопрос: «А почему нельзя? Это записано в Уголовном кодексе?» – также приводит к обильному выбросу негативных эмоций, ничего не объясняющих и не доказывающих.

4. Замаскированная зависть, исходящая от индивидов, заключивших в молодом возрасте брак и успевших побыть в этом браке несчастными, не состояться ни как семьянин (дети и муж (жена) не оправдали возлагаемых на них надежд), ни как член общества (блокирование каналов вертикальной социальной мобильности, прекращение карьерного роста). То, что современным работодателям, особенно частным предпринимателям, невыгодно содержать женщину в декретном отпуске, известно давно. Женщина, имеющая на руках маленького ребенка, также не нужна работодателю: во-первых, из-за часто повторяющихся случаев временной нетрудоспособности (больничные листы по уходу за ребенком), во-вторых, из-за систематически повторяющихся мелких нарушений трудовой дисциплины (опоздала на работу, потому что пыталась «спихнуть» ребенка бабушке или няне; рано отпросилась с работы по причине внезапной болезни ребенка или невозможности оставить его с кем-либо на попечении), в-третьих, из-за отсутствия стимулов к продуктивной трудовой деятельности и готовности к ненормированному рабочему дню. Очевидно, что работодатель отдаст предпочтение child-free, ориентированной на карьеру и благосостояние [12].

5. Апелляции к якобы «сексуальным девиациям», которым подвержены одиночки, – начиная от промискуитета и заканчивая различными перверсиями. Зачастую подобные аргументы выдвигаются теми индивидами, которым семейная жизнь так или иначе помешала осуществить свои собственные сексуальные фантазии, сведя все экспериментирование в интимной сфере к «исполнению супружеского долга» в миссионерской позиции. Отечественная статистика сообщает о том, что 50,6% мужчин и женщин, состоящих в браке, не получают полного сексуального удовлетворения, живя половой жизнью в браке [11]. Основными причинами снижения удовлетворения и качества интимной жизни в браке респонденты признали усталость, трудно устранимую дисгармонию в сфере либидо (несинхронные всплески желания у супругов и восприятие интимной жизни в браке как «супружеского долга»), а также плохие жилищные условия (особенно – при жизни в многопоколенной семье) [16, с. 174–188].

Вообще восприятие секса как «долга» нигде, кроме семей с традиционным укладом, не встречается. Ещё исследования Кинзи [23; 24] показали, что процент удовлетворенности в интимной сфере выше у мужчин и женщин, не состоящих в браке и практикующих промискуитет. У лиц, практикующих адюльтер, уровень сексуальной удовлетво-

ренности с любовницей (любовником) также выше, в сравнении с сексуальной активностью лиц, состоящих в браке [8, с. 85]. Не вдаваясь в сексологические особенности, отметим, что восприятие интимной жизни как «долга» порождает разделение пары на желающего (желающую) и обязанного (обязанную), что также влечет за собой не только снижение качества половой жизни, но и формирование латентной сексуальной фрустрации [14, с. 150–202]. Весьма показательны, что диффамации на почве имеющихся якобы у одиноких людей сексуальных девиаций распространяются и на лиц, по какой-либо из причин отказывающихся от интимной стороны жизни вообще. Так, религиоведами описаны случаи диффамации подобного рода применительно к святым и монахам, более того, это фиксируется агиографическими текстами. Создаваемая обществом на почве особенностей религиозной жизни истерия с поисками духовных лиц, склонных к тем или иным перверсиям (гомосексуализм, педерастия), хоть и не лишена определенного фактологического базиса, но тем не менее сильно преувеличена. О соответствующей паранойе, нагнетаемой СМИ, не приходится и говорить, достаточно отсылки к критической социологии СМИ, созданной П. Бурдьё.

6. Апелляции к тому, что «брак – естественное состояние человека». Как и в предыдущих случаях, понятие естественности представляется обвиняющими весьма туманно и обычно сводится к проведению аналогии между «естественностью» и «традиционностью», т. е. сведение к первым двум пунктам данного перечня – со всеми дальнейшими логическими и паралогическими ходами, которые легко угадываемы.

7. Апелляции к статистике. Нередко используется давно установленный факт, что холостые мужчины и незамужние женщины чаще болеют и имеют меньшую продолжительность жизни. При таком жонглировании статистикой упускается из вида ряд фактов: количество бытовых преступлений, начиная от кухонной поножовщины и заканчивая насилем³, среди семейных много больше, нежели среди живущих соло [21, с. 114]; процент лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности, среди семейных выше, нежели среди одиночек [21, с. 119]. Как аргумент демагога (будем бить врага его же оружием) уместно привести тот факт, что учитель русского языка и литературы, примерный семьянин Андрей Романович Чикатило совершил 53 доказанных убийства. Среди лиц, живущих в браке, также высок общий уровень конфликтности в сравнении с лицами, не состоящими в официально зарегистрированных отношениях [6, с. 95–112].

Вообще, довольно любопытно исследование дискурсивных практик пропагандистов семейных отношений: достаточно агрессивные вы-

³ Как бытовое подтверждение тому – наблюдения врачей судебно-медицинских экспертов: основная масса потерпевших, приходящих на «живой» прием, – замужние женщины, желающие «снять побои», нанесенные супругом.

пады, внелогичные суждения, демагогические приемы, использование кванторов общности (все, никто, всегда, никогда). При некритическом восприятии речи, организованной таким образом, порождается прагма-лингвистический эффект, при котором индивид-рецептор воспринимает высказывание не как субъективное мнение частного лица, но как нефальсифицируемое предписание-руководство к действию, ориентированное именно на данного субъекта и априори истинное (первенство по исследованию данного явления принадлежит, видимо, франко-немецкому социологу и лингвисту Карлу Фердинанду Киршу, близкому к кругам Фердинанда де Соссюра. Имеющиеся о данном ученом сведения крайне скудны, до нас дошла лишь одна монография, в изданная в начале XX в. мизерным тиражом и ставшая библиографической редкостью). Такая готовность индивида-рецептора к восприятию продуктов внерационального мышления резко увеличивает социальную виктимность за счет повышенной восприимчивости к архаичным, бессознательным компонентам той или иной социальной мифологемы.

При этом убежденные сознательные сторонники «жизни соло», как правило, более терпимы к чужому мнению и не склонны активно пропагандировать свой стиль жизни. Трезвая прагматика на их стороне: по данным Эрика Кляйненберга, достаточно большое число одиночек воспринимают свое состояние как относительно комфортное, некоторые же вообще расценивают жизнь соло как оптимальную [9]. Допустимый риск – возможное наступление беспомощности, при которой социальные службы не всегда эффективны. Сведение данной ситуации к демагогическому приему «Стакан воды никто в старости не подаст» достаточно однобоко, ибо может стать, что будет ситуация, похожая на таковую в известном анекдоте: «А пить-то и не хочется». Если серьезно, то, во-первых, не является ли это выражением эгоизма в большей степени, чем одинокая жизнь для себя? Во-вторых, никто не дает гарантии, какими эти дети будут и с какой отравой они подадут вам этот злосчастный стакан воды. Более того, угроза беспомощной старости может стать стимулом к социальному милосердию, распространяемому на чужих, а не только на членов семьи.

Мотивация такого диффамационного поведения достаточно очевидна: это и банальная зависть (которая сочетает как биологический, так и социальный моменты); аспекты отношений типа «подчинение-доминантность» (над одинокими и независимыми распространять доминантные стратегии достаточно затруднительно); это и территориальные инстинкты (активность и лицемерие, проявляемые членами некоторых семей в попытках присвоения жилплощади, поистине фантастичны); выбор и организация одиночками определенного пространства приватности, не приспособленного для создания семьи (как следствие этого – принятие живущими соло определенной стратегии репродук-

тивного поведения, выступающей как оппозиционная по отношению к типичным сценариям).

Порицающий может вполне сознавать демагогичность таких заявлений, но может и сам попасть под их рационализирующую псевдубедительность. Характерно, что на демографические нужды часто ссылаются те, кто плохо знаком с демографией, морализируют люди открыто аморального образа жизни, на «душу» и «чувства» указывают двуличные и расчетливые, о болезни заговаривают индивиды, детски невежественные в вопросах медицины, о пенсионном обеспечении – столь же невежественные в устройстве пенсионной системы и т. д. [18, с. 118–119]. Показателен в этом отношении пример лонгитюдного наблюдения одного из авторов.

Студент М., 22 лет, не имеет опыта долгосрочных отношений с одной девушкой. Предшествующий анамнез – ряд стихийных, недолгосрочных (максимум – 1 месяц) отношений. Производит впечатление адекватного, социализированного человека, способного к критическому осмыслению реальности. Имеет достаточный круг знакомых и друзей; характеризуется ими как «парень-душа компании». Склонен к скрытному переживанию личных чувств и эмоций. Признаков психических расстройств не показывает, наследственность не отягощена. Социально адаптирован, интеллект высокий, мотивационная сфера не нарушена.

При определенных обстоятельствах знакомится с девушкой одного из своих друзей. Девушка – 23 лет, имеет опыт замужества (вдова) и многократных долгосрочных отношений, среди которых последние, в течение примерно 1 года, с другом описываемого индивида. Знакомство со студентом М. описывает как «любовь с первого взгляда», за которой следует немедленное расставание с бывшим объектом привязанности. Далее следуют примерно полугодовые отношения со студентом М., во время которых они встречаются на квартире девушки. Описываемый индивид фактически переезжает к ней жить, при этом продолжая в течение полугода снимать квартиру, в которой бывает эпизодически, не чаще одного раза в месяц. Во время этих отношений окружение студента М. отмечает выраженные неблагоприятные изменения его психики: резко снижается контактность; происходит изменение ближайшего социального круга, из которого индивид исключает всех, бывших с ним до этого в дружеских отношениях, и переводит их в круг «просто знакомых». Те же явления наблюдаются и у девушки описываемого индивида. Бывшие друзья отмечают резкое снижение эмоционального фона товарища – от равнодушного негативизма до выраженной дисфории. Происходит резкое акцентирование имевшихся до этого негативных черт: индивид становится патологически скуп, неразговорчив, скрытен, при этом склонен активно пользоваться услугами бывших друзей, не давая ничего взамен. Скрытность доходит до выраженных странностей в поведении: молодой человек не просто никак не афиширует отноше-

ния с девушкой, но пытается активно «конспирироваться»: встречающим его в компании с указанной девушкой на улице знакомым не отвечает на приветствия; имея недавно купленный подержанный автомобиль, не предлагает бывшим друзьям «подвезти» (несмотря на то, что зачастую им по пути), и вообще всячески скрывает наличие машины. При ответе на приходящие в телефон М. SMS и наличии в ближайшем пространстве кого-либо из знакомых, кому до этого М. смело доверял многие интимные тайны, М. активно отгораживается от знакомых, прикрывает телефон либо, при обнаружении даже малейшего взгляда в сторону телефона, вообще выходит из помещения для набора ответного SMS- сообщения. При разговоре с М. отмечается выраженный дефицит тем для общения: бывший «ближний круг» констатирует, что с М. банально не о чем разговаривать, чего до этого за ним никогда не замечалось: всегда был контактен. На предельно шуточное замечание бывшего друга о том, что М. похож на «подкаблучника», замечена выраженная неадекватная реакция дисфории и отрицания, указывающая на чрезвычайную болезненность шутки, о которой бывший друг никогда бы и не подумал. Бывшие друзья М. констатировали превращение М. в окончательного «подкаблучника» и «зомби» с тотальным разрывом бывших до этого дружеских связей. М. с девушкой, судя по слухам, планируют в ближайшее время вступить в законный брак и завести детей.

Этот случай, который мы вынуждены описать достаточно подробно, показывает не только деструктивное влияние долговременных отношений на человека, который не имел их опыта в прошлом и потому воспринимает их совершенно некритично и напоминает тем самым знаменитого гусенка-жертву импринтинга в опытах К. Лоренца, воспринимающего экспериментатора как «маму», но отношения «доминирование–подчинение», при которых подчиненный боится осознания своего статуса и при упоминании об этом демонстрирует внерациональные модели поведения. Более того, в настоящее время данный субъект следом за многими индивидами с той или иной степенью выраженности мифологического сознания начинает активно отрицать образ «жизни соло» как «противоестественный»; необходимость же хотя бы формального поддержания бывших социальных связей в нем отсутствует совершенно. Бывшие микрогруппы, в которые входили М. и его друзья, сейчас им полностью оставлены, поскольку потребность в участии М. в структуре данных микрогрупп была благополучно подавлена доминирующей девушкой при полном согласии М. на такие изменения. Прогноз, даваемый лицами, изучившими ситуацию, достаточно неутешителен: либо развод в первые три года брачных отношений, либо неуклонное превращение М. в «семейного овоща» (термин одного из друзей М.).

Возвращаясь к более общим идеям, следует отметить достаточно неприятный для бытового понимания, но социологически закономерный и адиафоричный факт, с которым согласны большинство исследо-

вателей социологии семьи: сегодня традиционные брачно-семейные отношения переживают кризис, начавшийся во второй половине XX в. Соотнесем признаки этого кризиса и затрагиваемые им функции семьи (с использованием материалов [5]).

Функция семьи	Сущность функции	Признаки кризиса функции
Репродуктивная	Рождение потомства	Снижение уровня рождаемости (для стран с рациональным (третьим) типом воспроизводства населения) в сочетании с отрицательным естественным приростом и старением населения
Воспитательная	Воспитание детей и самореализация родительских чувств	<ol style="list-style-type: none"> 1. Перенос задачи воспитания детей с родителей на других членов семьи (бабушки, дедушки, и т.д.) или на систему дошкольных и школьных образовательных учреждений (МДОУ и МОУ); активный спрос на частных воспитателей и нянь. 2. Трудности с восприятием собственных родительских чувств, (особенно среди лиц, вступающих в первый брак до 25 лет). 3. Пробелы в понимании воспитательного процесса вследствие отсутствия знаний об этике и психологии семейной жизни; ориентация на отрывочные сведения, получаемые из популярных книг (с нередко спорными концепциями воспитания) или Интернета.
Хозяйственно-бытовая	Удовлетворение материальных потребностей	<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение значимости указанной функции в связи с наличием развитой системы бытового обеспечения. 2. Почти полная механизация домашнего труда. 3. Наличие развитой системы общественного питания. 4. Утрата вступающими в брак необходимых хозяйственно-бытовых навыков (неумение жен готовить; отсутствие у мужчин навыков проведения простейшего бытового ремонта, и т. д.) [4]. 5. Временной дисбаланс⁴.

⁴ Ярким примером такого временного дисбаланса может служить утрата бытовавших до кризиса традиций ежедневного семейного обеда или ужина. Вначале такая традиция сводилась к еженедельным воскресным обедам, сейчас – исчезла практически полностью в связи с изменениями в организации рабочего и досугового времени

Рекреативная	Восстановление физических и интеллектуальных сил	1. Сведение активной рекреативной функции (совместные занятия спортом, совместные «культпоходы») к пассивному потреблению продуктов массовой культуры (просмотр телевидения, и т. д.)
Эмоциональная	Удовлетворение потребностей в симпатии, уважении, признании, поддержке, эмоциональной защите	<p>1. Увеличение числа разводов и повышение процента матерей и отцов-одиночек вследствие позднего осознания неустрашимых эмоциональных и психологических различий (типичная причина развода – «не сошлись характерами») [20].</p> <p>2. Увеличение числа внутрисемейных конфликтов.</p> <p>3. Высокая потребность в помощи квалифицированных семейных психологов вследствие невозможности самостоятельного решения внутрисемейных проблем.</p> <p>4. Увеличение числа супругов мужского пола, склонных к девиантному поведению (бытовое пьянство, игромания, интернет-зависимость и другие аддикции).</p> <p>5. Высокий уровень агрессии, как внутрисемейной, так и распространяемой на окружающих лиц.</p> <p>6. Снижение внутрисемейного авторитета у детей (в противоположность к другим авторитетам – друзей, школьной и дворовой компании, и т.д.)</p>
Духовная	Совместный досуг и духовное обогащение	<p>1. Резкие отличия в духовных потребностях разных членов семьи.</p> <p>2. Снижение общего досугового времени, проводимого совместно с семьей.</p> <p>3. Повсеместная распространенность компромиссного или конфликтного поведения в вопросах организации досуговой деятельности⁵.</p>

каждого из членов семьи, а также в связи с достаточно высокой трудо- и времязатратностью организации совместного приема пищи.

⁵ Классическим примером могут служить ежевечерне возникающие мелкие конфликты из-за выбора телепрограмм: муж хочет смотреть спортивные или иные телепередачи, жена – сериал или популярное ток-шоу. В настоящее время напряженность данных конфликтов, к счастью, сходит на нет в связи с наличием нескольких телевизоров или возможностью использования интернета.

		4. Изменение досуговых установок членов семьи из наиболее приятных для того или иного из супругов или детей в сторону более приемлемого в семье и закономерный рост уровня фрустрации.
Социальная	Социальный контроль, социализация, инкультурация	<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение уровня заинтересованности и осведомленности о занятиях членов семьи (особенно это касается детей)⁶. 2. Перекладывание социализирующей функции семьи на систему МДОУ и МОУ [2]. 3. Подрыв внутрисемейных авторитетов у детей и, как следствие, получение основополагающей информации (в том числе – сексуальной и социальной) от «авторитетов» из школьной, дворовой или иной компании. 4. Ориентация детей на инкультурацию через взаимодействие со сверстниками; восприятие семьи как последней инстанции для открытия тех или иных личных тайн [21].
Сексуально-эротическая	Удовлетворение соответствующих потребностей	<ol style="list-style-type: none"> 1. Данные по уровню сексуальной неудовлетворенности, уже упоминаемые нами. 2. Высокий процент разводов только по этой причине. 3. Высокие цифры адюльтера, обусловленного чисто сексологическими мотивами.

Многие исследователи социологии семьи склонны полагать, что сложившаяся система функций семьи не есть что-то раз и навсегда устоявшееся, данной системе также присуща своя, внутренняя динамика [7]. Поэтому описываемый выше кризис функций семьи есть закономерное изменение данного социального института в ответ на глобальные общественные процессы. В подтверждение этого исследователями указываются имевшиеся в прошлом и отсутствующие у нынешних семей высокоразвитых стран такие функции, как производственная (семья

⁶ Достаточно показательны в этом отношении «внезапно» открываемые иные стороны жизни членов семьи: выявление подростковой преступности и девиантного поведения детей при помощи вызова от участкового милиционера или на родительских собраниях в школе; «открытия» достаточно плохо скрываемых фактов адюльтера и жизни «на две семьи»; выявления скрываемых мужем или женой способов дохода, зачастую – теневого или граничащих с противоправными действиями, и т. д.

как малое предприятие, занятое традиционным родовым ремеслом), охранительная, образовательная (семья как единственный источник для получения новых данных о мире) [3]. Вследствие этого следует говорить не о кризисе семьи вообще, а о радикальных изменениях в структуре традиционного брачно-семейного уклада. Надежды на адекватную и полную реализацию указанных функций семьи сегодня достаточно фантастичны; но, несмотря на это, общество продолжает по инерции надеяться на выполнение этих функций. Результатом этого является не только кризис самодостаточности и независимости каждого из индивидов, но и появление большего уровня фрустрации (в сравнении с живущими соло). Одиночки не тешат себя надеждами на присутствие жены, ожидающей супруга с горячим ужином, или мужа с высокой заработной платой; не перекалывают заботы о выборе способа организации свободного времени на кого-то из членов семьи [10]. Живущие соло – пример самодостаточных и независимых личностей, отдающих себе отчет в выборе именно этого способа организации собственной жизни – с оценкой не только уровня рисков и приобретений такой жизни, но и с адекватным восприятием требований социальной реальности. «Жизнь соло» в этом отношении – одна из тех форм социального бытия, которые призваны ответить на этот вызов социальной динамики качественно новой функциональной организацией.

Непредвзято «жизнь соло» – факт социологически нейтральный, а все его варианты использования или неприятия – лишь особенности мировоззренческой парадигмы того или иного индивида. Вместе с тем проживание соло не только способствует восприятию состояния одиночества как возможности на время отключиться от шумного социума и достигнуть определенного уровня комфорта за счет осознания, что некий фрагмент пространства и времени принадлежит только тебе; более того, общеизвестно благотворное влияние одиночества на самопознание, размышление и творчество.

Разумеется, существуют и семьи, могущие ответить на такой вызов социальной динамики изменением организации семейной жизни в рамках традиционного семейного уклада. Такие семьи, идущие на компромисс с диктуемыми социумом требованиями к «первичной ячейке общества», не только адаптируются к новой социальной реальности, но и достигают в этом определенных успехов. Открытость, готовность идти навстречу изменениям, желание адекватно решать возникающие перед тем или иным членом семьи (или перед всей семьей вообще) проблемы – основные черты данной группы семей [22, с. 61–71]. Популярным примером такой семьи может служить разворачиваемая в течение 5 сезонов история жизни членов семьи Фишеров, показанная в сериале «Клиент всегда мертв» (вариант перевода – «Шесть футов под землей», оригинальное название – «Six Feet Under», 2001–2005). Данный сериал, представляющий собой типичную семейную драму с эле-

ментами магического реализма, являет собой образец достаточно подробного и психологически верного лонгитюдного исследования жизни нескольких поколений одной семьи. Возникающие практически в каждой серии проблемы – мелкого и крупного масштаба, касающиеся только одного из членов семьи или семейного дела вообще (Фишеры – владельцы семейного бизнеса по оказанию ритуальных услуг), – решаются тем или иным способом. По данным критики, сериал с первого же сезона стал одной из частей американской поп-культуры начала нулевых годов XXI века, поскольку многие из зрителей увидели в нём ту семью, членами которой они хотели бы быть. Поведение главных героев послужило для многих достаточно хорошим примером решения тех или иных внутрисемейных проблем. Не исключено, что такие семьи могут создать новый социальный прецедент. Пока же уместно говорить, что наиболее популярной остается все же именно «жизнь соло».

Опыт «жизни соло» – пусть даже транзиторный – желателен для молодых индивидов, поскольку развивает самостоятельность не только в бытовом отношении (адекватное распределение времени, материальных ресурсов, необходимые хозяйственно-бытовые умения), но и – что чрезвычайно важно – самостоятельность в мыслительной деятельности и умение единолично принимать решения, за которые потом нести ответственность в полной мере, не апеллируя к различного рода внешним факторам. В этом отношении уместно говорить о зрелости личности.

Наши наблюдения над группами студентов, живущих в студенческих общежитиях, на съемных квартирах с соседями (уже упоминаемая нами система flat mate) или поодиночке, а также индивидов, живущих во время обучения в родительском доме, показывают прогнозируемые результаты: по данным «Самоактуализационного теста» Л.Я. Гозмана и «Теста личностной зрелости» М.Ю. Семенова, максимальные баллы были получены лицами, снимающими квартиру и проживающими без соседей; средние – немногим больше для лиц, проживающих в общежитии, и меньше – у лиц, снимающих квартиру с соседями. Как и предсказывалось, минимальные баллы по этим двум тестам были получены лицами, живущими в родительском доме.

В этом отношении следует признать несостоятельной ту критику образа жизни одиночек, которая базируется на посылке, что якобы «жизнь соло» избирается людьми, не склонными к высокому уровню социального взаимодействия, тяготящимися обществом и потому не совсем «нормальными». Во-первых, никто не говорит о тотальной свободе от общества, которая в принципе в настоящее время невозможна. Во-вторых, даже относительная свобода от общества в той или иной степени присуща каждому. Восприятие одиночества как дезадаптивной, десоциализирующей и десапиентирующей стратегии несостоятельно, поскольку живущий соло продолжает взаимодействовать с социумом (это касается даже таких девиантов, как хикикомори и битардов), только

это взаимодействие протекает иначе. Одиночество – это один из способов борьбы с социогенным шумом, проникающим из «большого» социума в микросистему, коей является семья. «Жизнь соло» – одна из адаптивных стратегий, избираемых человеком общества потребления для борьбы с «социально-культурной усталостью» [1, с. 230–234].

Избирающие «жизнь соло» не есть люди, намеренно закрывающиеся в четырех стенах собственной квартиры; наоборот – они вольны делать с этими четырьмя стенами и со своим временем все, что пожелают. Так, именно среди одиночек получает широкое распространение образование закрытых микросоциальных групп, о которых мы писали в других наших работах [13]. Такое участие одиноких в создании микросоциальных групп важно и в аспекте диффамационного мифотворчества. Образование таких групп фактически близко к пассивному сортингу мозга [18, с. 149], поскольку подразумевает жесткий режим допуска, откуда проистекает закономерное недовольство со стороны окружающих, распознающих ситуацию именно как сортинг, а самих себя – как откровенно или завуалированно отбракованных, когда помимо прочего терпят поражение инстинкты доминирования. К этому может примешиваться и недовольство тем, что отбракованных индивидов лишают возможности осуществить репродукцию с участием иных членов микросоциальной группы. Впрочем, и в этом случае речь все равно идет о вариантах сортинга, пусть и не чисто интеллектуального, а интеллектуально-репродуктивного [там же, с. 150]. Возникает препятствие на пути реализации доминирования одновременно с затруднением репродуктивных порывов, что и является еще одной частой причиной диффамации одиночек.

Отметим особенность микрогрупп, созданных типичным одиночим холостяком: они представляют собой усеченную иерархическую пирамиду, где отсутствуют доминантные индивиды, а сообщество состоит из небольшого числа субдоминантов. На наш взгляд, именно этим объясняется строгий отбор и высокие требования к сочетаемости индивидов, образующих подобную группу, поскольку контроль со стороны доминанта замещается сложным ауторегулятивным механизмом, действующим в пределах структуры, соединяющей нескольких субдоминантов. Такая регуляция сложнее, но она уменьшает ощущение типичного социального прессинга, избавляет от постоянного контроля и порождаемого им лицемерия. «Ем холодное жаркое и сижу, как истукан», – по меткому выражению Саши Чёрного; вмешательство со стороны может успешно превратить общение в обмен «салонным слабоумием» (П.Б. Ганнушкин). В случаях необходимости один из субдоминантов временно берет на себя типично доминантную роль, но по миновании необходимости расстается с ней. Такое ролевое распределение проливает свет на многие явления, включая и то, почему столь нежелательно вторжение особей с явной претензией на доминантность (в том числе

агрессивных дидактов, особей с репродуктивными претензиями, пусть и маскированными, и т. п.). В этих случаях либо микрогруппа рискует войти в жесткий кризис, либо особи, покушающиеся на вторжение в нее и восстановление усеченной пирамиды, оказываются изолированными и не получившими допуск. Еще один вариант – фрагментация группы или создание новой, существующей параллельно и негласно, куда доступа вторгшейся доминантной особи уже нет, в таком случае одна группа будет существовать формально и для отвода глаз, другая же станет аутентичной. Впрочем, отсеянные доминантно ангажированные особи подозревают наличие такой возможности, почему порой и устраивают настоящую слежку с целью выявить «нелояльное» поведение.

Наблюдаемое в обществе одиночество – явление преимущественно небиологическое: одинокие не склонны к традиционным стратегиям репродуктивного поведения и восприятию отношений «доминант–подчиненный» как к адекватным запросам индивида, живущего соло [19]. Ему противостоят в первую очередь семья, а также средние и большие социальные группы. Малые группы одиноких оказываются объектом агрессии (часто скрытой и завуалированной) индивидов с выраженным инстинктом доминирования, стремящихся облечь этот инстинкт в «благовидные» социальные формы научения, воспитания, учительства, «педагогического» контроля и дидактической «паранойи». При недопуске в соответствующую группу такие индивиды не только бывают обозлены и скандализированы, но и диффамируют группу по механизму проекции, приписывая (или гипертрофируя уже имеющиеся свойства), которые являются ведущими у них самих (стремление к получению и иным видам учительства, сексуально-репродуктивные интересы и т. д.).

В случае мифоинформационной войны против малой группы стратегии представляются двойственными – внешняя диффамация и внутренний вброс. Последний может также содержать мифологизированный контент, но далеко не обязательно, часто это просто типичная информационная диверсия, направленная на внутренний раскол группы, специфично она содержит мало и является случаем обычной информационной диверсии, нацеленной на осложнение отношений между индивидами. В этом отношении рассматриваемая нами жизнь соло не имеет ничего общего с данными типами не только по причине критерия адаптивности-дезадаптивности, но и в связи с другими, онтологическими различиями. Осознанная «жизнь соло» – это не стихийный «протест» против социума, не пассивная самоизоляция, но – продукт рационально-критического осмысления всех реалий социального бытия и достойный ответ на эти реалии. Нет смысла говорить о «пропаганде» «жизни соло» – это один из тех возможных социальных выборов, которые делает индивид в процессе осознанной социальной деятельности. Имеет смысл отбросить попытки диффамации одиночек – не только по причине их

явной несостоятельности, но и как показатель достаточно низкого культурного и социального уровня диффамирующего индивида. Безоценочное, адекватное и критичное восприятие социальной реальности – это один из признаков индивида как социализированного Сапиенса⁷.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
2. Валиева С.Ф. Роль семьи в процессе социализации ребенка // Вестн. Московского университета. Сер. 18 «Социология и политология». 1997. №3. С. 121–125.
3. Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. 1999. № 4. С. 47–57.
4. Волков А.Г., Сороко Е.Л. Типология семьи и домохозяйств России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года) // Вопросы статистики. 1999. № 5. С. 40–52.
5. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. М.: МГУДТ, 2009. 366 с.
6. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. Ленинград, 1984. 136 с.
7. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социс. 1995. № 10. С. 95–99.
8. Денисенко М.Б., Дала Зуана Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социс: 2001. № 2. С. 83–87.
9. Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
10. Кон И.С. Многоликое одиночество // Знание – сила. 1986. № 12. С. 40–42.
11. Кон И.С. Сексуальная жизнь взрослого человека // Сексология и сексопатология. 2005. № 1. С. 43–48.
12. Кризис семьи и депопуляция в России: круглый стол // Социс. 1999. № 11. С. 50–57.
13. Лебедев В.Ю., Федоров А.В. К вопросу о коммуникации в замкнутых микросоциальных группах. Философско-этнографический очерк // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2014. № 1. С. 88–95.
14. Мастерс У. Основы сексологии. М.: Мир, 1998. 692 с.
15. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 116 с.

⁷ Статья написана в рамках деятельности Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество).

16. Мид М. Мужское и женское. Исследования полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 416 с.
17. Парето В. Компендиум по общей социологии. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
18. Савельев С.В. Нищета мозга. М.: Веди, 2014. 192 с.
19. Солодников В.В. Семья: социологические и социально-психологические парадигмы // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 130–138.
20. Торохтий В. С. Психологическое здоровье семьи и пути его изучения// Вестн. психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1996. № 3. С. 36–44.
21. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и её проблемы М.: Статистика, 1997. 224 с.
22. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учеб. пособие для вузов. Изд. 3-е. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2007. 736 с.
23. Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H. Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953. 442 p.
24. Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948. 508 p.

«LIFE SOLO» AS A NEW SOCIAL REALITY AND PRODUCT OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATION

V.Yu. Lebedev, A.V. Fedorov

Tver State University, Tver

In today's highly developed countries, a new social reality - the so-called «life solo» emerges that takes loneliness as a way of existence adequate for a certain number of individuals. On the basis of a sufficiently large number of examples, the authors interpreted signs of the crisis of the traditional family and the possible social strategies of its overcoming that may lead not only to «life solo», but also to adaptation of the traditional family to contemporary social realities.

Keywords: *loneliness, life solo, defamation, family sociology, modern family crisis.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ФЕДОРОВ Алексей Васильевич – студент 5 курса ГБОУ ВПО «Тверской государственный медицинский университет», Тверь, асси-

стент Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество). E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – Ph.D., Prof. of the Dept. of sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

FEDOROFF Alexey Vasilievich – Tver State Medical Academy, student, Assistant of the laboratory of the multidisciplinary research in bio-sociology and bio-philosophy (Russian Philosophical Society), Tver. E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru